

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

ВАРШАВА.

9/21 июня 1867 г.

Любезный другъ Я. П. Дѣла увлекли меня до Бѣлостока, откуда до Варшавы—по желѣзной дрогѣ—вѣсколько часовъ пути. Не утерпѣлъ пріѣхать взглянуть на этотъ исторический городъ. Меня болѣе всего привлекло сюда то обстоятельство, что въ эти дни совершился пріѣздъ Царя и Царицы нашего сѣвера въ ихъ западную столицу—Варшаву. Безъ сомнѣнія все это тебѣ извѣстно и будетъ гораздо лучше и умнѣе моего описано въ газетахъ. Но позволь и мнѣ, высокоуважаемый другъ, подѣлиться съ тобою моими впечатлѣніями, описать тебѣ вѣкую толику изъ моихъ ощущеній и лично сдѣланныхъ наблюденій.

Да, Онъ—нашъ Августѣйшій Отецъ—изъ опаснаго дальн资料 путешествія возвращается во-своиси, на землю своего Царства, въ западную свою столицу. О, эта столица, эта столица! Я думаю, у нашего Августѣйшаго Монарха первый и послѣдній вздохъ объ этой землѣ и объ этой столицѣ,—пи-

тающихъ и образующихъ хотя по племени намъ и братъевъ, но въ сущности искони заклятыхъ анти-патріотическихъ подданныхъ. Это гнѣздо сбродныхъ мечтателей, не повинующихся порядкамъ правительства, гдѣ все постоянно дышетъ враждою и кинуть измѣною. Еще не успѣла послѣ недавней кровавой драмы кровь остынуть, какъ обожаемыя Царственные Особы вѣзжаютъ въ эту страну и въ эту столицу... И я—одинъ изъ числа ничтожныхъ смертныхъ, одна семидесятимиллионная частица русского семейства,—и я удвоилъ мою усердную мольбу къ Богу о благоденствіи Августѣйшихъ Посѣтителей здѣшней страны и столицы...

Встрѣча, приемъ Государа были такъ торжественны, что торжество это не моему уму выражать, не моему перу описывать. Не смотря на то, что я—житель дальнаго сѣвера, судьба удостоила меня быть очевидцемъ подобнаго рода торжествъ: такъ напр., во время коронаціи въ 1856 году въ Петроградѣ—куда было богато и великолѣпно, но это было только на главныхъ улицахъ, а въ отдаленныхъ переулкахъ мало и примѣтно было; великолѣпно праздновалось также совершенномольтіе покойнаго Наслѣдника Цесаревича или встречи Высоконарѣченной Невѣсты Наслѣдника русскаго престола, Принцессы Дагмары; или торжества, бывшія

по поводу событія 4-го апрѣля, послѣдняго на этихъ дняхъ событія въ Парижѣ. Но что здѣсь, въ Варшавѣ, въ эти дни происходило, это превосходитъ всякое описание.

Вотъ уже пятый вечеръ весь городъ такъ и облитъ огнями. Такъ какъ у меня есть достаточно досуга, и притомъ собственное мое любопытство побуждало меня осмотрѣть этотъ исторический городъ во всѣхъ подробностяхъ, то я рѣшилъ за-одно осмотрѣть какъ все относящееся до историческихъ преданій, древностей, такъ равно и обстановку этого торжества. Что касается первого, то въ этомъ многое успѣло измѣнить время и событія. А послѣднее такъ и бросается въ глаза: глухой переулокъ хочетъ перешеголять главную улицу. Жидовская лачуга, неимовѣрно грязная внутри, теперь, по причинѣ этого празднества, наружною обстановкою хочетъ перешеголять палаццо ясновельможнаго пана или отель знаменитаго магната. Словомъ, вездѣ въ разныхъ затѣйливыхъ видоизмѣненіяхъ—разныхъ родовъ декораціи, транспаранты, вензеля, букеты, щиты съ газовыми и бенгалскими огнями, зеленью и, живыми цвѣтами. Весь городъ увѣшенъ флагами, драгоценными коврами и шальми. И бѣдный, не отставая отъ богатаго, обвѣсили свой домиекъ старыми платками.

Объ Императорской торжественной встрѣчѣ и

говорить нечего, это одно доказываетъ — воздвигнутая изящнымъ искусствомъ колоссального размѣра триумфальная арка съ портиками, которая не мало стоить и не мало времени требовалось воздвигнуть такой колоссъ, да наружное убранство ея гирляндами, зеленью, живыми цвѣтами—тоже не малаго стоило; наверху—огромный вензель, надъ вензелемъ — корона, и все это украшено великолѣпно живыми цвѣтами.

Что въ этомъ торжествѣ болѣе всего интересовало меня, такъ это цехи и ихъ великолѣпныя цеховыя знамена огромной величины, съ которыми они проходили отдѣльными группами по порядку, чинно — во фракахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ и въ перчаткахъ. Уже наканунѣ изготовлены были маленькие столбики съ нумерами, гдѣ какому цеху стоять. Ихъ было много; я насчиталъ до 50-ти, но кажется было больше. И они первые были отъ вокзальной площади (бангофа) желѣзной дороги до триумфальной арки поставлены по обѣимъ сторонамъ на Иерусалимскомъ бульварѣ, гдѣ устроена арка. Отъ арки впередъ на довольно длинное разстояніе устроены мѣста, гдѣ сидѣла высшая аристократія и почетные члены города, т.-е. ихъ семейства, а сами они встрѣчали Государя въ вокзалѣ. Потомъ далѣе отъ эстрады стояли евреи со своимъ ковчегомъ и вышею гла-

вою левитовъ, съ псалмопѣniемъ во время проѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ. Когда Императорскій кортежъ проѣжалъ мимо цеховъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ съ распущенными знаменами, тогда они преклонили знамена. Это была такая картина, которой я въ жизни не забуду. Самое небо этому торжеству благопріятствовало — погода была превосходная: ясно и тихо.

Все это было безподобно хорошо и торжественно; но прїездъ Императрицы своимъ эффектомъ превосходитъ все остальное. Это былъ въполнѣ смыслъ слова сюрпризъ отъ Императрицы для города Варшавы. Въ понедѣльникъ, наканунѣ Императорскаго вѣзда, еще около полудня ничего не было известно, да и въ часъ пополудни еще ничто не выходило изъ обыкновенной колеи; видно было только по мѣстамъ торопливое приготовленіе иллюминаціи къ завтрашнему дню, къ прїезду Государя. Потому что прїездъ Государыни былъ совершенно съ противоположной стороны города, откуда ожидали Государя, и дворецъ, куда Ея Величеству пришлосьѣхать, былъ въ другомъ концѣ города, вслѣдствіе чего экипажу Императрицы пришлось проѣзжать почти весь городъ въ длину по главнымъ его улицамъ.

Представь себѣ: въ два часа дня еще положительно ничего не слышно и не видно было. Но

только-что разнесся слухъ, что графъ Бергъ отправился по желѣзной дорогѣ встрѣтить Государыню, какъ уже между 4—5 часами это трехъ-четырехъ-верстное разстояніе было биткомъ набито зрителями. Дома обвѣсились разноцвѣтными флагами и драгоцѣнными коврами, и шалими и, сколько успѣли, зеленою, живыми цвѣтами, не только на главныхъ, но даже и на боковыхъ улицахъ.

Это было совершено какъ бы волшебнымъ мановенiemъ: въ нѣсколько часовъ превратили столицу изъ обыкновенного положенія въ торжественное празднество.

Ровно въ 8 часовъ вечера, при благопріятной тихой погодѣ, изволила проѣхать Царица Сѣвера со своими Августѣйшими Дѣтьми мимо нетерпѣливо ожидавшей Ее восторженной публики. Восторгу, казалось, не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ весь городъ былъ иллюминованъ... Самый дворецъ, куда Императрица изволилаѣхать, отстоялъ отъ города по аллеямъ верстахъ въ двухъ; на полути, въ сторонѣ аллеи, находилось довольно большое увеселительное мѣсто, куда публика по вечерамъ собирается слушать музыку. Узнавъ о прїездѣ Государыни, многие вѣрили, многие нѣтъ. Вдругъ раздалось: „Императрицаѣдетъ!“ — и будто мановенiemъ волшебного жезла музыканты и вся публика бросились на аллеи; музыканты заиграли русскій на-

родный гимнъ, а публика кричала „ура!.. Послѣ сами себѣ удивлялись, не могли дать себѣ отчета, какимъ родомъ они и музыканты очутились на шоссе?..

Еще одно мною видѣнное обстоятельство тронуло меня до глубины души. Какъ мнѣ рассказывали наканунѣ Императорскаго вѣзда, по приѣздѣ Государя будетъ большой парадъ войскамъ, и мнѣ указали, гдѣ онъ будетъ.

Государыня, переночевавъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, утромъ рано, часовъ въ 7, изволила отправиться по вѣнско-варшавской желѣзной дорогѣ на встречу Государю. О приѣздѣ самого Государя уже давно знали всѣ, въ какой день, какой часъ — прѣдѣтъ (вторникъ, 11 часовъ утра). Какъ только вѣзда Государя совершился (о чёмъ уже сказано было выше), я сейчасъ же отправился по указанному направлению — къ мѣсту парада; по Маршальской улицѣ, — прямою линіею отъ города пришлось съ версту пройти по аллеямъ, гдѣ справа открылась огромная гладь, — чуть виденъ другой край. Съ городской стороны это огромное поле было обнесено землянымъ валомъ; это шоссе идетъ параллельно съ валомъ на разстояніи полъ-версты, по томъ упирается въ небольшую площадь; слѣва перпендикулярно еще двѣ аллеи или шоссе соединяются въ эту же площадь. Въ противоположномъ

концѣ площади находится нѣчто въ родѣ старой заставы съ шлагбаумомъ. Пройдя заставу тутъ же направо — поворотъ или вѣзда на парадное поле, куда входили и строились войска. Сюда, на эту площадь передъ заставой, оживленно сходилась публика; пѣщадовъ останавливали здѣсь, а экипажи вѣзжали за земляной валь на парадное поле, гдѣ образовался изъ экипажей огромный полукругъ. Въ Варшавѣ легковыхъ извозчиковъ вродѣ дружекъ или линеекъ вовсе нѣть, а все коляски, запряженныя парой. Тутъ ихъ набралось тысячи: кто въ своихъ, кто въ извозчичихъ. Войско построилось отъ зрителей въ полуверстѣ — посреди огромной глади; помню, мѣсто это называлось „Мокотонное поле“.

Войска было очень много: говорили, 80—100 тысячъ человѣкъ. Эта вышеупомянутая передъ заставою площадь, земляной валь и продолженіе вала были такъ переполнены зрителями, что полиція, какъ ни старалась охранять порядокъ, но отъ сильнаго напора стѣснившейся публики, не въ силахъ была ничего сдѣлать. Съ добрый часъ прошло въ мучительной тѣснотѣ и ожиданіи. Вдругъ раздались голоса: „Ѣдетъ! єдетъ!..“ Въ глубинѣ одной аллеи быстро неслась верхами кавалькада. Впереди щѣхъ самъ Императоръ, сзади Великій Князь Владимиръ Александровичъ, — много-много принцевъ и герцоговъ, —

сотня генераловъ. Какъ только Государь сталъ вѣзжать на эту биткомъ набитую зрителями площадь, такъ сейчасъ же пустилъ свою лошадь шагомъ... Ну, другъ! не знаю, какъ у прочихъ, но что было въ эту секунду у меня на душѣ, я то чувствовало мое сердце, того не въ состояніи выразить; pero становится слабымъ передать что-нибудь вещественно; только то помню, что отъ душевнаго умиленія и трогательной любви къ нашему Государю крупные слезы брызнули у меня изъ очей! И уста мои шептали какую-то высокую молитву...

И такъ, онъ—нашъ Надежда-Царь—пустилъ свою лошадь шагомъ среди площади, буквально уничтоженной разнообразными зрителями — вплоть до заставы, гдѣ при поворотѣ на парадное поле къ стѣснившейся публикѣ пригнѣздилаась партикулярно одѣтая труппа музыкантовъ, внезапно заигравшая «Боже, Царя Храня!». Вотъ была минута душевнаго восторга!... Но не мнѣ, корелу, или какому другому, матерью рожденному, земному существу витийствовать. Скажу только, что меня — да и всякаго — всего болѣе приводило въ восторгъ то, что вѣдь Царь-Освободитель, по воцареніи своемъ, еще первый разъ вѣзжалъ въ эту западную столицу. И когда же! О, ужасъ! — послѣ той безпримѣрной въ исторіи кровавой драмы,—мятежа 1863 года, отъ котораго еще не успѣла кровь остынуть. Оттого я

говорю: „безпримѣрной“, что въ этой драмѣ принимали живѣйшее участіе женщины.. И вѣзжалъ прямо изъ Парижа послѣ событія 25 мая (выстрѣла Березовскаго). Такой историческій фактъ на кого бы не подѣствовалъ!

Выѣхавъ изъ толпы зрителей на парадное поле, Государь пустилъ свою лошадь шибкою рысью; вся свита помчалась сзади Него. Не мало времени потребовалось объѣхать эти величественные ряды войска. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа изволила прибыть Императрица съ своими Царственными Дѣтьми и въ открытой коляскѣ прослѣдовала черезъ всю площадь, при громкихъ, восторженныхъ крикахъ народа и подъ звуки торжественной музыки.

Коляска Государыни остановилась на парадномъ полѣ за четверть версты отъ зрителей въ экипажахъ.

Послѣ проѣзда Государыни всѣ зрители—вѣшеходы хлынули на парадное поле. Большая часть устремилась черезъ заставу, многіе — черезъ земляной валъ. Перейти валъ легко, но тутъ рядомъ съ валомъ былъ ровъ, который невозможно было перескочить, въ который трудно спуститься и еще труднѣе подниматься; и не смотря на запрещеніе и карауль поліціи, они успѣвали ускользнуть отъ ея надзора и пытались перейти эту траншею — мужчины, женщины и многое молоденькихъ барышень. И здесь не обошлось,

разумѣется, безъ курьезныхъ сценъ; при неудачномъ прыжкѣ или неловкомъ шагѣ, всѣ катились на дно канавы... Общій хохотъ. Умора да и только!.. Хорошо еще, что дно канавы было сухо и поросло травою, а то еще бы вышло забавнѣе.

Всѣ зрители—и пѣши, и въ экипажахъ—рвались впередъ, чтобы пробраться какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ находилась Государыня и вся царская свита. И тутъ ужъ началось между ними такое энергичное соревнованіе, съ которымъ не въ силахъ были совладать ни полиція, ни жандармы. Наконецъ имъ въ подмогу явились казаки, употреблявшіе достаточно грубые, даже жестокіе приемы усмиренія и приведенія въ порядокъ,—но ничто не помогало: то пѣши опередили, то экипажи перешли линію пѣшеходовъ и встали впередъ. Такимъ образомъ публика все ближе и ближе поддвигалась къ царской свитѣ. И по мѣрѣ приближенія массы зрителей къ Царскимъ Особамъ становилась и полиція мягче и уступчивѣе. Грозные казаки исчезли. Не прошло и пяти минутъ, какъ я очутился совершенно вплотную прижатымъ къ царской свитѣ. Вижу—тутъ же вмѣстѣ, рядомъ со мною и сзади, въ экипажахъ, верхами—утонченная аристократія въ перемежку съ простыми зрителями оспариваютъ между собою преимущество быть ближе къ Августѣйшимъ Особамъ. Всѣ смѣшались: лахъ,

простой полякъ, литвинъ, великороссъ, малороссъ, бѣлорусъ, латышъ, эстонецъ, вѣмѣдъ, евреи и я—корола съ отдаленного сѣвера,—и на всѣхъ лицахъ ясно изображалась любовь и высокопочтаніе къ Царственнымъ Особамъ.

По моему умозаключенію, всѣ вообще безъ изъятія упоены были чувствомъ восторга предъ этимъ высокоторжественнымъ зрѣлищемъ. Я еще нѣсколько минутъ восхищался этой картиною обшаго ликованія. Такое многочисленное войско не скоро успѣло пройти церемоніальный маршъ мимо царской свиты. Наконецъ, досыта насладившись этой процессіею, всѣмъ этимъ истинно царскимъ праздникомъ, я перекрестился и пошелъ домой. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ протискаться сквозь плотную массу безчисленныхъ зрителей, изъ которыхъ большая часть осталась еще наслаждаться столь рѣдко представляющимъ зрѣлищемъ. Придя домой, я невольно задумался надъ всѣмъ только-что видѣвшимъ и мысленно возносилъ горячія молитвы къ Богу, дабы Всевышній Творецъ ниспослать это единственное для рода человѣческаго благое призваніе къ единенію народовъ и къ повиновенію законамъ Правительства, чтобы вдохнулъ онъ въ сердца польского народа то сознаніе, что единственное благо для нихъ — въ со-

единеніи тѣломъ и душою со своими единоплеменными старыми братьями руссами (москвичами).

Вѣдь даже отдаленные братья—первоначального корня великаго славянскаго дерева, чехи и хорваты—протягиваютъ руку соединенія общей славянской народности!

Это кто говорить и пишеть эти строки?—Самый младшій изъ собратій великаго русскаго отечества—отдаленнаго сѣвера королякъ.

Карлсбадъ и Рига.

Вотъ и я возвратился изъ вояжа по восточной Европѣ. Конечно, мой вояжъ далеко не чета твоему. Что же, я только краешекъ захватилъ. Былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, въ Карлсбадѣ,—гдѣ провелъ три недѣли, пользуясь минеральными водами. Какъ мнѣ довелось первый разъ быть въ этомъ городишкѣ, то и показалось довольно страннымъ, что у насъ вода снаружи впивается въ почву и постоянно холодная, а тамъ изъ грунта земли бѣть вверхъ фонтаномъ горячая какъ кипятокъ вода, хотя и не въ такомъ изобилии, какъ въ Исландіи.

Положимъ, что это игра природы или естественное явленіе натуры, которымъ медицинская наука и воспользовалась для гигиеническихъ дѣлъ—ради укрѣпленія рода человѣческаго; но тамъ еще есть и въ житейско-хозяйственномъ быту свои особенности,—напр. у насъ въ Россіи сѣать ложатся на перины, а тамъ подъ перины, т. е. перины служатъ вмѣсто одѣяла.

Изъ Карлсбада я поѣхалъ въ столицу Богеміи—Прагу; этотъ городъ мнѣ очень приглянулся, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ видомъ; изъ второстепенныхъ столицъ гораздо лучше по моему Дрездена, Будапешта и Варшавы, тѣмъ больше для русскаго: слышишь хотя не вполнѣ, но все же понятную славянскую рѣчь. Какъ только выѣхалъ изъ Дрездена,—не помню хорошенъко, на второй или третьей станціи желѣзной дороги смѣнились уже объявленія и надписи съ нѣмецкаго (Негген, Dame) на чешскій языкъ (pro Muschin, pro Shenschin); хотя латинскими буквами, но хорошо понятно. Потомъ проѣхалъ я въ столицу Моравіи—Бруннъ и въ пресловутую древнюю столицу римскихъ императоровъ—Вѣну. Изъ Вѣны—по Дунаю въ Будапештъ. Оттуда обратно черезъ Вѣну и Варшаву въ свою Сѣверную Пальмиру, во градъ Великаго Петра, и далѣе во-своиси.

По прїездѣ домой, получилъ твое письмо, которое лежало нѣсколько недѣль въ ожиданіи меня

и въ которомъ ты пишешь вкратцѣ о своемъ путешествіи въ юго-западную Европу.

И такъ, любезный другъ, тебѣ удалось обѣхать почти всю Европу и видѣть часть Новаго Свѣта — Америку. А главное, ты побывалъ въ европейскомъ парадизѣ — въ Италии, ты видѣлъ вѣчный городъ Римъ, съ его болѣе чѣмъ 20-вѣковыми историческими воспоминаніями, и всѣми восхваляемую живую панораму Неаполя (выраженіе итальянца: „увидѣть Неаполь, и потомъ умереть“); наконецъ — Парижъ эту модную столицу, ярмарку выдумокъ не то что всей Европы, но и всего свѣта, это чудо-юдо, невообразимое зрѣлище, тѣмъ болѣе теперь — во время всемирной выставки. Положимъ, какъ ты самъ пишешь, что твои дѣла заставили быть на этой выставкѣ немнога раньше своего времени, когда еще не все прибрано, не все сложено, не все установлено. Да, полагаю, ежели бы всѣ тамъ находящіяся диковинныя штуки специально осмотрѣты до подробнѣйшей мелочи, тогда не мало бы времени потребовалось. А гдѣ же тутъ разсмотрѣть въ такомъ хаосѣ, при общей толкотнѣ и сумятицѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что тамъ народу было гораздо больше, чѣмъ мнѣ удалось видѣть въ Бѣломъ морѣ сельдей.

О Лондонѣ же и говорить нечего: въ немъ ежедневно океанъ народу. Но ты, счастливецъ, вла-

дѣешь почти всѣми европейскими языками, и потому тебѣ легче было и наблюдать, и наслаждаться лицезрѣніемъ всѣхъ заморскихъ диковинокъ.

Въ свою очередь, и я теперь, только-что возвратясь, немедленно отдаю отчетъ въ моихъ поѣздкахъ.

Я теперь здѣсь, въ этомъ старомъ историческомъ городѣ — въ Ригѣ: онъ знаменитъ, какъ въ торговомъ отношеніи, такъ и историческими событиями, еще въ средніе вѣка.

Вотъ, кажется, просто сказать: по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Псковъ, Динабургъ, Вильно, Варшаву; изъ Варшавы обратно — въ Гродно, Вильно, Динабургъ и въ Ригу. Легко и написать эти слова на бумагѣ, скоро и незамѣтно проѣхать по рельсамъ это пространство. Но попробуй-ка взять Русскую исторію въ руки, тогда и узнаешь, какимъ тяжелымъ гнетомъ легло на нашу отечественную исторію присоединеніе этой западной окраины къ обширной Русской Имперіи, сколько событий пробѣжитъ въ головѣ! Начну со стараго Пскова, гдѣ я, будучи еще въ первый разъ, какъ маленько дитя бѣгалъ по обширнымъ каменнымъ стѣнамъ псковской твердыни, когда-то — въ бывшія времена — куда важнаго значенія! Весь городъ обнесенъ этими каменными стѣнами, иѣстами еще сохранившими свою первоначальную вышиву; на углахъ — полуразвалившіеся бастіончики. Въ эту груду камней

сь какою-то жадностью вперяль я взоры, мысленно спрашивая каждый камень и камешекъ, — и невольно казалось, что еслибы эти камни могли заговорить то они навѣрное рассказали бы о преданіяхъ старины, о нашихъ средневѣковыхъ битвахъ и о томъ, какъ отстаивала наша русская грудь непріятельскія нападенія.

Вѣришь ли,—всякій разъ, когда мнѣ приходится мѣнять желѣзную дорогу на шоссейную иѣхать вглубь по разнымъ направленіямъ западной окраины нашей Имперіи, мысли мои невыразимо работаютъ и воспоминаніямъ нѣть конца. Вспомнишь невольно и отважнаго Ольгерда, и храбраго воина Карла XII, и еще свѣжей памяти нашествіе двадесети языковъ, съ первымъ полководцемъ военного генія — Наполеономъ I-мъ... Глаза постоянно ищутъ слѣдовъ минувшихъ временъ и не отрываются отъ какого-нибудь холмика, небольшого кургана, малозамѣтнаго бугорка. Невольно вздохнешь и мысленно скажешь: можетъ быть, тамъ лежать, зарыты кости нашихъ собратьевъ, которые сражались за отечество, бились на полѣ чести, какъ древніе герои. Миръ праху павшимъ героямъ! Особенно чувства мои подавлялись при проѣздѣ или проходѣ черезъ или мимо какого-нибудь уроцища или другого тому подобнаго природнаго пункта, рѣки или рѣчки, нѣкогда служившихъ переправою или пакторо сдѣланной оборо-

роной и, несмотря на давность, все еще замѣтныхъ. Невольно восклицаешь тогда про себя: вотъ здѣсь проливалась русская кровь! и невольно ищешь глазами, не замѣтны ли пятна этой пролитой крови?

Тутъ же рядомъ или вблизи, обращаясь мыслью къ сосѣднему лѣсу, я думалъ о былыхъ временахъ, когда на корняхъ этихъ толстыхъ деревъ, разставаясь съ этимъ непостояннымъ міромъ, испускалъ послѣднее дыханіе сражавшійся геройски за отечество русскій воинъ. Тутъ же—болѣе счастливый военною своею карьерою русскій герой, облитый кровью, рвалъ побѣды—посреди града пуль, гика и шума битвы... И можетъ быть еще въ пылу боя онъ мечталъ именно здѣсь о томъ, что ждетъ его впереди: какъ будетъ овъ осыпанъ лаврами побѣдъ, грудь—орденами, о томъ, какъ будетъ отрадно тогда встрѣтиться съ идеальнымъ существомъ—по сердцу!..

Остзейскій край, съ своими памятниками средневѣковой старины, невольно создавалъ въ моемъ воображеніи цѣлый романъ—съ этими рыцарскими замками, гдѣ нѣкогда за какую-нибудь улыбку милой красавицы рыцарь бросалъ перчатку сопернику и бился на жизнь или смерть.

Будучи въ Варшавѣ, какъ я въ первомъ письмѣ оттуда писалъ тебѣ, и присутствуя при томъ торжественномъ празднованіи встречи и пребыванія Августѣшаго Семейства, я не могъ не оставить

безъ вниманія и интересныхъ для меня памятниковъ историческихъ событій и преданій. Почти ежедневно выходилъ я на розыски и наблюденія въ наиболѣе замѣчательные исторические пункты; особенно любилъ я выходить куда-нибудь на возвышенное мѣсто, напр. на берегъ рѣки Вислы. Оттуда передо мной на противоположномъ берегу открывалось предмѣстье Прага, гдѣ нашъ знаменитый дѣдушка Суворовъ со своими чудо-богатырями бралъ штурмомъ эти укрѣпленныя—въ тѣ времена—мѣстности; гдѣ вслѣдъ затѣмъ Эриванскій герой громилъ своими храбрыми войсками возставшихъ мятеjnиковъ.

Что касается самой Праги, то это совершенно ничтожный городишко, на отлогомъ берегу Вислы; окрестность его уже во всемъ измѣнилась: частью срыто до основанія, частью застроено, а частью изгладило время.

Хотя собственная дѣла мои заставили меня прїѣхать сюда, въ Ригу, но кстати или, такъ сказать, къ моему счастію, здѣсь тоже въ бытность мою совершился прїѣздъ Государя Императора. Государь изволилъ сюда прибыть одинъ на возвратномъ пути изъ Парижа—чрезъ Варшаву.

Здѣсь въ Ригѣ сдѣланная Его Императорскому Величеству встрѣча была торжественна, искрення; такъ—послѣ долгой разлуки—истинная дѣти встрѣ-

чаютъ своего любимаго отца. Гдѣ сердечность, гдѣ искренность, тамъ многословія не требуется. Изъ чего я это заключаю—о томъ постараюсь передать тебѣ въ короткихъ словахъ. Были устроены въ трехъ мѣстахъ триумфальная ворота, декораціи зеленью; на флаги не жалѣли материі. Конечно, здѣсь улицы въ старомъ городѣ очень узкія,—при довольно узкихъ тротуарахъ съ трудностью могутъ разъѣхаться экипажи; я насчиталъ до сотни такихъ флаговъ, которые занимали поперекъ всю улицу; транспаранты съ вензелями величественно пересѣкали улицу во многихъ мѣстахъ.

При встрѣчѣ Императора, у вокзала былъ почетный караулъ изъ молодыхъ людей—высшихъ, почетныхъ гражданъ—и эскадронъ кавалеріи. По обѣимъ сторонамъ отъ вокзала, кроме цѣлаго баталіона изъ почетныхъ городскихъ молодыхъ обывателей, поставлена была пожарная команда. Обстановка и выправка послѣднихъ обращала особенное вниманіе. Въ другомъ концѣ города, при вѣзде въ замокъ, были цехи со знаменами; я видѣлъ мелькомъ издалека нѣсколько, но рижскія цеховые знамена гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ въ Варшавѣ, зато числомъ ихъ, какъ я слышалъ, не въ пріѣръ больше.

Вѣзде Государя былъ въ 11 часовъ вечера. Пришлося почти весь городъ проѣхать отъ вок-

зала до замка, гдѣ жилъ начальникъ области генераль-адъютантъ Альбединскій. Богатство иллюминаціи было неописуемо: съ газовыми, бенгальскими огнями и съ фонтанами. Восторгъ и ликованье народа были до высшихъ предѣловъ. По вѣзду Государя, черезъ часъ, всѣ улицы до того были полны народомъ, что никакъ невозможно было протискаться. Вдругъ, откуда ни возмись, образовалось факельное шествіе тысячи высшаго круга почетныхъ гражданъ, одѣтыхъ по-балальному; при тихой, прекрасной погодѣ, у каждого въ рукахъ наикрасивѣше-обточеннія палочки, съ небольшимъ аршинъ длиною, на верхнемъ концѣ коихъ прикреплены прекрасивые фонарики (собственно для этой цѣли за границею заказаны). Шелъ этотъ легіонъ высшаго гражданскаго круга чинно посреди улицы по четыре человѣка въ рядъ; впереди шелъ полный оркестръ полковой музыки; по сторонамъ ихъ съ факелами въ рукахъ шли солдаты. Это своеобразное, чрезвычайно эффектное зрѣлище долго не изгладится изъ памяти.

Всѣхъ деталей оваций не описать. Но нѣкоторыхъ нельзя оставить безъ вниманія. На второй день пребыванія здѣсь Августѣйшаго Монарха около двухъ тысячъ молодечніхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлые платья, какъ ангельчики, пѣли передъ Государемъ русскій народный гимнъ и что-то

еще — не разслышалъ, потому что не удалось ближе пробраться. Это было что-то сверхъестественное, не земное, а именно ангельское. Потомъ, когда эти милыя созданья пошли домой особыми своими кружками по всѣмъ направлѣніямъ города — какой земной могъ оцѣнить и описать ихъ восторгъ! Онъ стояли передъ Царемъ и пѣли Ему!. Мнѣ удалось видѣть, какъ нѣкоторыя дѣвицы изъ этихъ кружковъ летѣли будто на крыльяхъ по разнымъ улицамъ и, встрѣчаясь по дорогѣ съ знакомыми и родными, съ восторгомъ лепетали, рассказывая свои ощущенія, и при этомъ какъ у рассказчицъ, такъ и у слушателей отъ умиленія слезы навертывались на глаза.

Въ заключеніе вернусь еще разъ къ этихъ тремъ городамъ: скажу о физиономіи ихъ и характерѣ. Варшава имѣетъ громкое имя въ политической сферѣ, но на мой взглядъ въ торговомъ отношеніи даже ниже посредственного, и внешняя обстановка города такъ себѣ, — развѣ только въ одномъ можно дать преимущество варшавскимъ обывателямъ: относительно опрятности какъ у дѣтей славянъ, такъ и у сыновей Израиля, — которыхъ тамъ довольно много.

Вильно — эта когда-то столица Литвы — уже снаружи показываетъ свою безхарактерность, по крайней мѣрѣ тому, кто въ первый разъ пріѣдетъ; такъ, мнѣ она показалась совершенно безтолковымъ городомъ. Это скорѣе какой-то отломокъ іудейскаго

царства, гнѣздо жида, ярмарка евреевъ. Этихъ израильскихъ дѣтей обоего пола такъ много и въ такой тѣснотѣ, что положительно можно сказать: больше чѣмъ въ вашемъ городѣ камней въ камен-ной мостовой. Жидовское факторство здѣсь положительно въ полной прежней силѣ, какъ описывалъ его нашъ знаменитый литераторъ Фаддей Булгаринъ. Населеніе вообще смѣшанное: тутъ и коренной литвинъ, и заброшенный полякъ, и русскій раскольникъ, и латышъ, жмудинъ, эстонецъ, для примѣса есть толстый нѣмецъ, нѣкая доля татарь, и вѣроятно не безъ цыганъ. Тутъ совершенно ничего не поймешь и невозможно опредѣлить ни физіономіи, ни типи-ческихъ особенностей народнаго духа.

Рига—столица Лифляндіи или, такъ сказать, всего Остзейскаго края. Что касается до торго-ваго отношенія, то факты сами за себя говорятъ. А о прочемъ — вполнѣ похвально, что русскимъ языкъ не гнушаются и отъ его нарѣчія не отворачиваются,—какъ это дѣлается въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ нашей Имперіи. Вотъ Ревель, такъ это дѣйствительно родное дѣтище города Риги.

О соединеніи Бѣлого моря съ Финскимъ заливомъ.
(Проектъ М. Н. Смирнова¹⁾).

Въ финской газетѣ „Pietarin Lehti“—„Петер-бургскій Листокъ“ (1876 г., №№ 22, 23 и 24), издающейся въ Петербургѣ, напечатанъ мой проектъ о соединеніи Бѣлого моря съ Финскимъ заливомъ. Считаю небезполезнымъ передать сущность этого проекта читателямъ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣ-домостей“, по всей вѣроятности, живо заинтересованнѣмъ въ настоящемъ вопросѣ, по географиче-скому положенію здѣшняго края между предпола-гаемыми къ соединенію морскими бассейнами.

Прежде всего, въ настоящемъ предпріятіи пред-ставляется вопросъ: соединить ли Бѣлое море съ Финскимъ заливомъ, въ указываемомъ мною на-правленіи, искусственною канализаціею, или же лѣзно-рельсовымъ путемъ?

Въ послѣднее пятилѣтіе неоднократно возбуж-дался вопросъ о соединеніи прямымъ искусствен-нымъ путемъ Сѣвернаго Ледовитаго океана съ Бал-тикой. Объ этомъ говорилось въ периодической печати, раздавались сужденія въ торгово-промыш-

¹⁾ Было напечатано въ прилож. къ № 29 „Олон. Губ. Вѣд.“ 1877 г.